

сергей романюк

ПАТРИАРШИЕ ПРУДЫ

ПЕРЕУЛКАМИ ДО ЧИСТЫХ
ПРУДОВ

Сергей Романюк

**Патриаршие пруды.
Переулками до Чистых прудов**

«Центрполиграф»

2016

УДК 908(470-25)
ББК 26.89(2-2Москва)

Романюк С. К.

Патриаршие пруды. Переулками до Чистых прудов /
С. К. Романюк — «Центрполиграф», 2016

ISBN 978-5-227-06586-5

Читателю предлагается длинная прогулка от Патриарших прудов, через переулки между Тверской и Малой Дмитровкой, Цветной бульвар, к Мясницкой улице и Чистым прудам.

УДК 908(470-25)
ББК 26.89(2-2Москва)

ISBN 978-5-227-06586-5

© Романюк С. К., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

У Патриаршего пруда	6
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Романюк
Патриаршие пруды
Переулками до Чистых прудов

© Сергей Романюк, 2016

© «Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2016

* * *

У Патриаршего пруда *Между Малой Никитской и Тверской*

Немалое пространство между двумя значительными радиальными улицами прихотливо рассечено множеством переулков. Здесь же проходят и несколько более крупных городских проездов, заслуживших название улиц, – это Большая и Малая Бронные, Спиридоновка и Малая Никитская. Переулков в этом районе насчитывается 15, а вся длина проездов здесь достигает почти 8,5 километра.

Рельеф этого района плоский, и здесь издавна было заболоченное, влажное место – Козье болото, как оно называлось в старину. Отсюда вытекали ручей Черторый, а также притоки реки Пресни – речки Кабаниха и Бубна, образовавшие пруды на территории зоопарка. Благодаря влажной почве в этой местности издавна развивалось огородничество, и еще в конце XVIII в. часто встречались пустыри с огородами. До нашего времени сохранился единственный свидетель когда-то многочисленных здесь озёрец, прудов и речек – Патриарший пруд. Свое происхождение он ведет от прудов, устроенных в 1683–1684 гг. патриархом Иоакимом на Козьем болоте, в своей Патриаршей слободе. У стен Белого города в XVI–XVII вв. значительное пространство было не застроено в оборонительных целях, и поэтому многие улицы не доходили до крепостной стены. С уменьшением опасности вражеского вторжения это пространство стало застраиваться, крепостные стены снесли, и на их месте разбили Бульварное кольцо, но следы старинной планировки остались – как и раньше, Спиридоновка и **Гранатный переулок** не доходят до бульвара.

Свое название этот переулок получил от Гранатного двора, находившегося примерно на месте современных участков № 10 и 12 и № 8 по Вспольному на протяжении 60 саженей (примерно 130 метров). На Гранатном дворе хранились заряды, порох, ядра, там были и литейные «пушечные печи». В один из самых больших пожаров, постигших Москву в XVIII в., Гранатный двор сгорел. Пожар начался на Сивцевом Вражке, а здесь в переулке, как рассказывает летописец, «во 2 часу ночи разорвало пороховую казну, и в тот пожар во многих местах погорело и подохло и от Гранатного двора побито людей многое число, а по смете 2700 человек и такого ж жестокого пожару никто не помнит». После этого Гранатный двор перевели на Васильевский луг, а позже к Симонову монастырю. Старинные здания в начале Спиридоновки (№ 3/5), по традиции считающиеся принадлежащими к Гранатному двору, долгое время стояли почти руинами, и только недавно они были восстановлены.

Гранатный переулок проходит вблизи от параллельной ему Малой Никитской улицы, и на него выходят многие строения, парадной своей частью смотрящие на Малую Никитскую. Так, здесь находятся флигели и задний фасад главного дома бывшей усадьбы Бобринских (№ 1). На ее территории в 1890 г. по проекту архитектора М. И. Никифорова построены два трехэтажных корпуса, где находятся посольства.

Гранатный двор сегодня

Небольшой и скромный жилой дом (№ 3), выстроенный в 1884 г. по проекту архитектора С. С. Эйбушитца (дом принадлежал М. С. Гольденвейзеру, юрисконсульту банка Полякова), оказался связанным с историей русского демократического движения, с именами Г. Б. Иоллоса и А. Д. Сахарова. Здесь жил один из самых блестящих политических деятелей и публицистов, член Государственной думы первого созыва, редактор газеты «Русские ведо-

мости» Григорий Борисович Иоллос. Своими корреспонденциями и выступлениями в Думе он вызывал бешеную злобу черносотенцев, которые и задумали его убить. Нашли некоего рабочего, мнившего себя «революционером», и сказали: вот этого изменника дела русского народа надо убить, что и было сделано.

Иоллос 14 марта 1907 г. шел домой из редакции «Русских ведомостей», находившихся в Большом Чернышевском (Вознесенском) переулке. С Малой Никитской он в половине второго дня свернул на Спиридоновку, далее в Гранатный, и несколько левее современного строения № 1 его встретил человек с револьвером. «Я повернулся к нему вполборота, – сообщал он на следствии, – стреляю на рас стоянии пяти шагов; целил в грудь, но, как потом узнал из газеты, пули попали в лицо. Выпустил 4 пули». Только вечером из газет он узнал, кого убил.

Полного расследования по этому делу не проводилось, ибо в грязные полууголовные дела Союза русского народа были замешаны известные тогда люди – от небезызвестного антисемита, московского протоиерея Восторгова до депутатов Госдумы, крупных землевладельцев и чиновников (говорили о Столыпине и даже Николае II).

В этом же доме М. С. Гольденвейзера (его племянником был известный пианист А. Б. Гольденвейзер, крестный отец Андрея Сахарова) с 1910 г. находилась квартира председателя Московского юридического общества, присяжного поверенного Ивана Николаевича Сахарова, участвовавшего в ряде известных процессов. В этот дом, в его шестикомнатную квартиру, в 1922 г. переехала семья его сына, преподавателя физики, автора многих учебников и научно-популярных книг Дмитрия Ивановича Сахарова, которая занимала две комнаты, а в остальных комнатах этой квартиры, превратившейся в коммунальную, жили другие родственники и посторонние люди.

Андрей Дмитриевич Сахаров

Андрей Дмитриевич Сахаров вспоминал, что семья жила в двух комнатах коммунальной квартиры на втором этаже, «...в большой комнате у нас располагались спальня и столовая, стояли школьные столики детей и огромный рояль, занимавший четверть комнаты...». Ранее родители А. Д. Сахарова жили в Мерзляковском переулке (где именно была их квартира, неизвестно), когда 21 мая 1921 г. родился сын Андрей. «Первые полтора года или год мы жили в Мерзляковском переулке, в подвале. Папа носил меня гулять по переулку на нотах (sic!) – коляски не было. Я был „умный“ мальчик и засыпал сразу, как только меня выносили на мороз из сырого подвала», – вспоминал А. Д. Сахаров.

В Гранатном переулке он прожил всю свою молодость до начала войны. В войну 23 октября 1941 г. в дом попала бомба, были убиты несколько человек, но родные Сахарова не пострадали.

Рядом располагалась большая часть жилого комплекса (№ 5) кооператива «Кремлевский работник», построенного в 1935–1939 гг. по проекту А. И. Ефимова. Он находится на земле большой усадьбы И. Г. Орлова (отца братьев Орловых, возведших на престол Екатерину), главный дом которой – каменные палаты сложной в плане формы – выходил на Малую Никитскую, а на Гранатный выходили деревянные хозяйственные строения.

На территории этой же усадьбы за изящной чугунной решеткой стоял выстроенный в готических формах особняк (№ 7), где помещается Центральный дом архитектора. Это работа известного московского архитектора А. Э. Эрихсона, выполненная им в 1899 г. для жены потомственного почетного гражданина Анны-Луизы Леман. Стены красного кирпича резко контрастируют с белокаменными резными деталями, привлекают к себе внимание острокровие кровли особняка с ажурными украшениями. Разнообразны его интерьеры, отделанные ценным деревом и лепными украшениями. До советской власти он принадлежал московскому губернскому предводителю дворянства П. А. Базилевскому. В 1919 г. здесь помещался Всероссийский главный штаб Реввоенсовета, в 1920-х гг. – центральное бюро по обслуживанию иностранцев, в 1933–1938 гг. – канцелярия французского посольства.

К старому особняку в 1938–1941 гг. пристроено новое здание (архитекторы М. И. Мержанов и А. В. Власов). Фасад его, решенный как декоративная стенка, приставленная к основному объему, – парафраз на тему архитектуры несуществующего здания, изображенного на фреске Пьеро делла Франческа в церкви города Ареццо, – был разработан архитектором А. К. Буровым. В центре здания над входом – майоликовый картуш, где схематически изображен план Москвы работы художника В. А. Фаворского. Недавно к этим зданиям пристроено третье, переделанное из стоявшего здесь ранее (проект архитекторов Р. И. Семерджиева, Б. И. Тхора и др.). Во всех этих зданиях находится Союз архитекторов России.

На этой же стороне переулкa – еще один особняк (№ 13), выстроенный для директора Московского торгово-строительного общества Я. А. Рекка в 1900 г. (предположительно архитектор С. В. Шервуд). До его строительства здесь находился деревянный дом Ступишиных, в котором в конце 1869 г. останавливался композитор А. П. Бородин у тетки жены Е. С. Ступишиной. В тот приезд композитор написал один из лучших своих романсов «Море» на свои слова и начал работу над оперой «Князь Игорь» и Второй симфонией, которую Стасов назвал «Богатырской». В 1895–1900 гг. тут жил выдающийся режиссер В. И. Немирович-Данченко, и надо думать, что именно отсюда он уехал на знаменательную встречу со Станиславским в ресторан «Славянский базар» на Никольской, которая положила начало Художественному театру.

В 1918 г. в особняке находился Высший военный совет Народного комиссариата по военным делам, потом управление по командному составу Всероссийского главного штаба, а в 1920-х гг. – Красный интернационал профессиональных союзов и его общежитие. Теперь в нем размещается посольство Таджикистана.

Четная сторона Гранатного переулкa начинается угловым со Спиридоновкой домом (№ 2), состоящим из двух разновременных частей. Когда купцы Армянские приобрели этот участок, то они в 1899 г. выстроили по проекту архитектора Г. А. Кайзера жилой дом по Гранатному переулку, а в 1902 г. застроили острый угол участка жилым зданием по проекту В. А. Величкина.

Гранатный переулок, дом № 13

Здесь снимал квартиру писатель Борис Зайцев: «В доме Армянских много у нас уже бывало народу... Бальмонт, Сологуб, Городецкий, Чулков, Андрей Белый... И конечно, бывал здесь Иван Алексеевич Бунин... Дух был богемский и бестолковый. Путано, шумно, нехозяйственно – но весело. И весьма молодо... На одном сборище таком встретил он у нас тихую барышню с леонардовскими глазами, из старинной дворянской семьи... Вера Никола-

евна Муромцева жила у родителей в Скертном, училась на курсах, вела жизнь степенную и просвещенную. С моей женой была в давнишних добрых отношениях. Тот вечер закончился частью в Литературном кружке, частью в „Большой Московской” – очень поздно, и вряд ли мог кто-либо подумать, что недалеко время, когда обратится Вера Николаевна Муромцева в Веру Николаевну Бунину. Но это именно и случилось. И весной следующего года уехали они в дальнее путешествие». Писатель Георгий Викторович Адамович, хорошо знавший Бунину, писал, что он обрел в Вере Николаевне «друга не только любящего, но и всем существом своим преданного, готового собой пожертвовать, во всем уступить, оставшись при этом живым человеком, не превратившись в безгласную тень. Теперь еще не время вспоминать в печати то, что Бунин о своей жене говорил. Могу все же засвидетельствовать, что за ее бесконечную верность он был ей бесконечно благодарен и ценил ее свыше всякой меры» (что отнюдь не мешало ему сблизиться на склоне лет со своей секретаршей).

В этом же доме находилась редакция журнала «Шахматный вестник», а также исторического журнала «Голос минувшего». Редактором его был Сергей Петрович Мельгунов, резко отрицательно относившийся к большевикам. «У нас когда-то был один общий враг, – обращался он к российской интеллигенции. – И теперь вновь он только один. Для борьбы с ним в данный момент должны объединиться все интеллигентные демократические силы». Его неоднократно арестовывали, приговорили к смертной казни, но выпустили, а в 1922 г. вместе с десятками известных ученых выслали из России. В эмиграции он продолжал издавать журнал, теперь уже под названием «Голос минувшего на чужой стороне», где появилось множество ценных исторических материалов и исследований. Он же и был автором нескольких книг об истории событий 1917 г. и Гражданской войны, а также широко известного исследования «Красный террор в России».

В этом доме были квартиры балетмейстера А. А. Горского в 1903–1906 гг., артистов М. И. Царева и Л. Н. Свердлина в 1930-х гг. На этом доме – мемориальная доска в честь знаменитого летчика-испытателя Марка Лазаревича Галлая, жившего здесь в 1970–1998 гг. Помнится, когда в 1960 г. вышли его записки «Через невидимые барьеры», все только и говорили о его книге, настолько легко она была написана, настолько трудна была работа, которую он с таким блеском выполнял. Он испытал 124 типа летательных аппаратов. Как он шутил: «Настоящий летчик-испытатель должен свободно летать на всем, что только может летать, и с некоторым трудом на том, что летать не может».

Рядом, в глубине двора, здание (№ 4), едва уцелевшее от разрушения. В феврале 1914 г. газета «Русские ведомости» писала: «И этот дом ломают. Уже содрана крыша, выломан пол, еще через несколько дней упадут прекрасные колонны, срубят перед ним деревья – все для того, чтобы на месте его воздвигнуть восьмиэтажную громаду». Тогда на его месте паркетный фабрикант задумал строить огромный доходный дом (проект В. А. и А. А. Весниных). Однако благодаря вмешательству общественности разрушение удалось приостановить, а в советское время приступили к восстановлению дома. В пояснительной записке к проекту восстановления (1923 г.) говорилось, что он «...представляет собой только кирпичные стены старого барского особняка, построенного в екатерининское время графом Zubовым. Простояв без каких-либо признаков разрушения до 1913 г., особняк этот был частично разобран, предполагаясь на снос, для постановки на его место большого доходного дома. Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война изменила данное предположение, и кирпичные стены (сильно укрепшая кладка на извести) уцелели почти без всяких изъянов до настоящего времени».

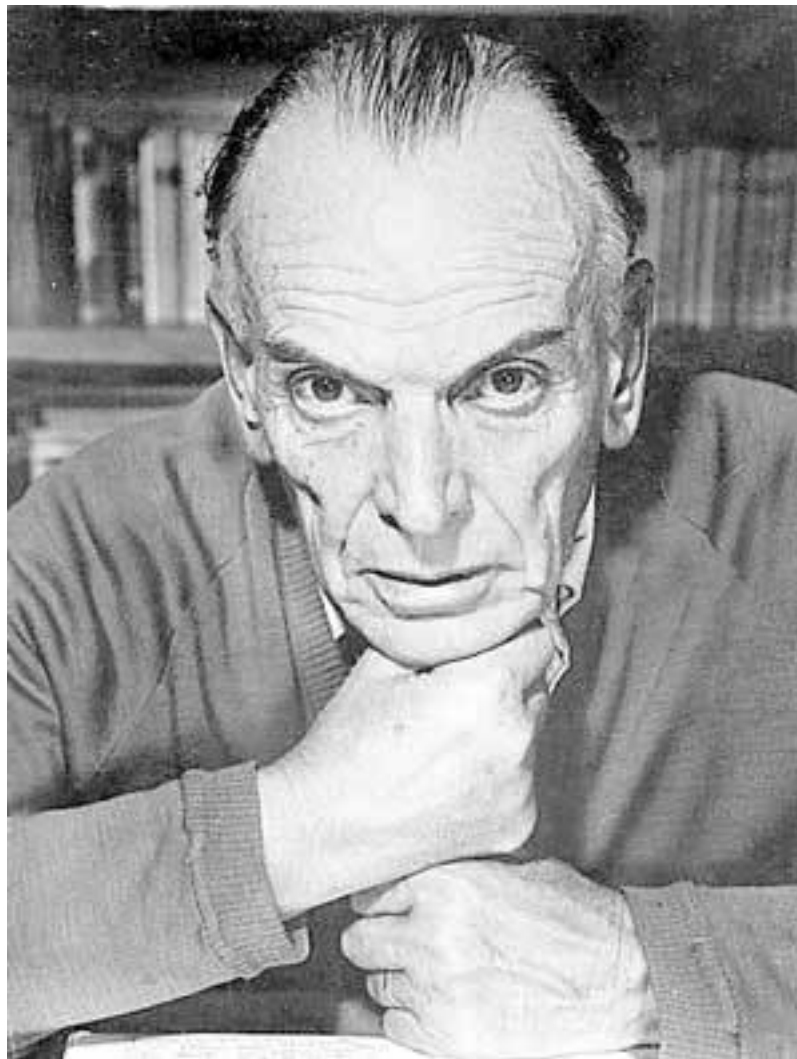
Стали восстанавливать, но уже многое исчезло. Прежде всего, почти ничего не осталось от богатых интерьеров, пытались кое-что разыскать, но безуспешно. После восстановления особняка в нем поместилась поверочная Палата мер и весов.

Предполагается, что в начале XVIII в. этот участок пожаловали Ивану Васильевичу Кикину, брату казненного Петром I А. И. Кикина. Тут был двор «с каменными полаты и при

тех полатах с троими железные двери и при окнах затворы из деревянным хоромным и другим всяким строением». В 1733 г. наследники Кикина продали его братьям майору Ивану и подполковнику Никите Орловым, а у их наследников двор был приобретен в 1763 г. лейб-гвардии Преображенским полком для своей канцелярии. Об этом месте писал литератор начала XIX в. Михаил Николаевич Макаров, оставивший нам много свидетельств о Москве: «В Арбатской части, в Гранатном переулке до 1793 года существовал полковой двор лейб-гвардии Преображенского полка. У его ворот стояла будка, а при ней часовой – инвалид-гвардеец. Бывало, он сиживал тут беззаботно, иногда скорняжничая, а иногда починая какую-нибудь обувь. Так тут шла его последняя служба до смены на вечный караул – в небеса!. Чудный был этот Преображенский полковой двор. Его установил тут Петр Первый, и установил, как водится за ним, не без цели. Царю государю захотелось, чтобы его любимая потеха была поближе к дому матушки, поближе к дворам всех его любезных. Да! Тут жили все Петровы, начиная от Нарышкиных до Скавронских, от математика Брюса до воина-вельможи Бутурлина. От сенатора Писарева до царедворца Толстого... Из Преображенского села ко двору матери, сюда в полковой двор Петр приводил своих только готовых воинов, вышколенных Лефортом или Гордоном. Государь дивил этими воинами и друзей, и старых вельмож русских, не совсем хорошо глядевших на юного Петра за новое солдатское учение».

В 1800 г. московский военный губернатор И. П. Салтыков просил у императора Александра I (вот пример централизации власти!) разрешения снести это здание, так как «дом сей от давнего его построения пришел в такую ветхость, что имеющиеся в стенах сквозные трещины и согнутые потолки и полов сверх безобразия представляют его склонным к падению, для чего оный давно уже необитаем и по свидетельству архитекторскому без сломки до подошвы исправлен быть не может». Дом разрешили сломать и участок продать.

По плану, выданному княжне Голицыной в 1804 г., вместо старинных палат строилось здание с первым каменным и вторым деревянным этажами. Оно сгорело в пожар 1812 г. и долго стояло непоправленным – еще в 1828 г. дом был «неотделанным, обгоревшим». На его основе в 1830-х гг. строится существующее позднеампирное здание. В некоторых книгах о Москве утверждается, что особняк принадлежал екатерининскому фавориту графу Платону Зубову. Однако это ошибка, основанная на том, что в роду Зубовых было трое Платонов и не екатерининский Зубов, а его племянник Платон Николаевич Зубов, внук великого Суворова, приобрел в 1838 г. этот особняк и владел им до 1850-х гг. Позднее он перешел к его наследникам Леонтьевым, по фамилии которых особняк и известен в искусствоведческой литературе. Это здание – украшение переулка. За решеткой, копией решетки «дома Гагарина» на Новинском бульваре, разрушенного бомбой в 1941 г., видны изящные колонны далеко вынесенного портика, над которым возвышается еще один этаж, завершенный бельведером.

Константин Георгиевич Паустовский

В 1827 г. часть большой усадьбы, где находился этот дом, была продана майору Николаю Аполлоновичу Майкову. Участник Отечественной войны 1812 г., раненный в Бородинском сражении, Н. А. Майков, выйдя в отставку, занялся любимым делом – живописью и достиг в ней немалых успехов, получив звание академика. Его сыновья стали известными деятелями русской культуры – здесь в одноэтажном деревянном доме (№ 6) в Гранатном переулке жили в детстве будущие поэт Аполлон и критик Валериан Майковы. После переезда семьи Майковых в Петербург в 1834 г. участок перешел к известному балетмейстеру, «дансеру Императорского театра» Адаму Глушковскому.

Это место связано со знаменательным событием – рождением в 1892 г. замечательного русского писателя К. Г. Паустовского. «Здесь когда-то стоял домик, его уже нет, – рассказывал он своему биографу. – Так вот, в нем я и появился на свет. Как давно это было! Иногда мне кажется, что это случилось в другую не то что историческую, а геологическую эпоху».

Напротив Дома архитектора, среди зеленых газонов, стоит памятник архитектору А. В. Щусеву (скульптор И. М. Рукавишников), автору таких значительных работ, как Мавзолей В. И. Ленина, Казанский вокзал, гостиница «Москва» и многих других.

На месте небольших домов XIX в. в 1970-х гг. выстроены были комфортабельные жилые дома для советской партийно-государственной элиты. В одном из них (№ 10) предполагал поселиться Л. И. Брежнев, и для него специально отделялась квартира, которую можно отличить по нестандартной величине окон (они выше, чем в других квартирах).

Теперь ее занимает жилец, переехавший сюда также из отдельной, но коммунальной и не такой удобной, квартиры в тюрьме «Матросская тишина», – это Р. И. Хасбулатов, попавший, к сожалению, на короткое время в тюрьму.

В полуподвале дома № 10, стоявшего до сноса на месте современного здания, была последняя квартирнка известного русского поэта Николая Клюева, творчество которого некоторые ставят выше есенинского. Он переехал из Ленинграда сюда в апреле – мае 1932 г. и написал здесь самые значительные свои произведения. Поэт прожил тут до 2 февраля 1934 г., когда его увели агенты НКВД. Клюева по надуманному обвинению приговорили к ссылке, а в 1937 г. больного, полупарализованного поэта расстреляли.

Дом № 20, стоящий в глубине двора, принадлежал издателю С. А. Скимунту. Он и не думал, что будет когда-либо богатым. Сергей Скимунт был сиротой, воспитывала его тетка и конечно же отдала его в военное училище – обеспеченное будущее, карьера. Скимунт окончил Александровское училище, дослужился до чина штабс-капитана, но военной службы не любил. Неожиданно он получил известие, что его ожидает наследство: скончался дальний родственник, помещик, одиноко живший на степном хуторе (рассказывали, что с ним был только медведь, прирученный пить французский коньяк), не имевший наследников. Скимунт получил 2,5 миллиона, степные хутора и земли. В 30 лет он вышел в отставку и постарался разумно употребить «шалые», как он говорил, деньги. Около 100 тысяч пожертвовал Обществу содействия устройству общедоступных народных развлечений, в котором участвовали К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, Ф. Е. Корш, основал на паях с прогрессивным публицистом В. А. Крандиевским либеральное издательство «Труд», сблизился с М. Горьким, через которого щедро финансировал революционные организации.

Горький часто останавливался у него в доме, здесь жил и Крандиевский, дочь которого, Н. А. Крандиевская-Толстая, оставила воспоминания о Гранатном переулке: «Дом Скимунта, в котором я росла и начинала жить... выходил на улицу одними только воротами на каменных столбах... От ворот аллея густых елок выводила на широкий двор, где обширно раскинулся двухэтажный купеческий особняк... Каменная терраса и балкон выходили на противоположную сторону, в сад. В нем водились соловьи. Сам же Гранатный переулок в конце XIX в. был... патриархальный, тихий, весь в зелени. Узкие тротуары, поросшие травкой. Особняки, сады, заборы, за которыми благоухают сирень и липы, летит белый пух с тополя».

Дом № 22, построенный в 1885 г. (архитектор М. И. Никифоров) и полностью перестроенный, теперь беспомощно выглядывает из-за нелепо нахлобученного кривого строения. За ним находится последний участок в переулке (№ 24), он занят несколькими зданиями, из которых угловое, деревянное, – самое старое, выстроенное в первой половине XIX в., а другие, одно по Гранатному переулку, а второе – по Вспольному, построены в 1873 г. архитектором В. Г. Залесским. Дом принадлежал присяжному поверенному (так назывались в России адвокаты) С. М. Пурицу; здесь несколько месяцев в 1921 г. жил Б. Л. Пастернак. Тогда он подготовил и сдал в Госиздат рукопись четвертой книги стихов «Темы и вариации».

Здесь Гранатный переулок выходит в **Вспольный** (бывший Георгиевский) **переулок**. Старое его название произошло от Георгиевской церкви, стоявшей на углу с Малой Никитской улицей, там, где ныне высится мрачноватое здание радиостудий (№ 24). Церковь носила название «что на Всполье»: вспольем или спольем обычно назывались незастроенные места рядом с городом, то есть начало полей за городской чертой, где находился выгон для скота. Постройка церкви, посвященной святому Георгию, объясняется тем, что издавна этот святой считался покровителем скотоводства, – именно в день его памяти, 23 апреля, обычно выгоняли скот на поле после долгой зимы. Рядом с деревянной Георгиевской в 1657 г. соорудили каменную на том месте, «что был преж сего тот двор боярина Никиты Ивановича Романова». В 1777 г. началась постройка иждивением знаменитых в истории екатерининской России

братьев Орловых нового церковного здания, которое было закончено в 1788 г. Некоторые искусствоведы приписывают проект этой церкви руке архитектора В. И. Баженова. Ее мощный барабан с высоким куполом, увенчанным еще одним барабаном с главкой, господствовал над окружающей низкой застройкой. В 1823 г. возвели изящную колокольню с длинным острым шпилем. В Георгиевской церкви венчался П. И. Чайковский с бывшей своей ученицей Милюковой.

Вспольный переулок

Сломали церковь в 1932–1933 гг. и выстроили на ее месте Дом радиовещания и звукозаписи (проект А. Н. Земского и А. Г. Туркенидзе).

На левом углу Вспольного переулкa – особняк (№ 1), построенный в 1884 г. для московского городского головы С. А. Тарасова по проекту В. Н. Карнеева. Последним владельцем перед революцией был инженер А. Н. Бакакин. В 1911 г. архитектор А. Э. Эрихсон пристраивает к особняку двухэтажный объем по Вспольному переулку с суховатым сдержанным декором фасада.

Этот особняк пользовался самой мрачной славой в Москве – в нем поселился Лаврентий Берия, правая рука Сталина, повинный в истреблении сотен тысяч людей. Рассказывали страшные истории об этом особняке...

Ныне его занимает посольство Туниса.

По переулку за этим особняком в начале XIX в. находилась большая усадьба княгини М. И. Оболенской, позднее разделившаяся на три участка. На первом из них (№ 3) сохранились два дома, построенные в 1817 г. Двухэтажный домик № 9 по линии переулкa построен в 1873 г. – в нем на первом этаже в 1900–1902 гг. была квартира В. И. Немировича-Данченко. Здесь же в 1900-х гг. жил патриарх русской земледельческой науки И. А. Стебут. Здание в глубине этого же участка построено в 1913 г. известным архитектором Ф. О. Шехтелем для Ираиды Миндовской, дочери Ивана Александровича и жены его двоюродного брата Петра Галактионовича Миндовских, текстильных магнатов из Кинешемского уезда. По этому адресу в 1919 г. располагался Верховный революционный трибунал при ВЦИКе, и здесь в 1920-х гг. жил советский государственный деятель Н. В. Крыленко, который недолгое время был Верховным главнокомандующим и наркомом по военным делам, потом перешел на юридическое поприще – выступал обвинителем во многих сфальсифицированных процессах, был наркомом юстиции и сам пал жертвой того режима, который он так ревностно защищал.

Церковь Георгия на Всполье

Дом № 13 построен в 1864 г. купцом второй гильдии В. П. Быковым и через три года надстроен. В нем в 1900–1913 гг. помещалась редакция журнала «Вопросы философии и психологии», который был призван, по идее его основателя Н. А. Грота, «насаждать философскую культуру среди русского общества и способствовать тем самым делу создания самостоятельной русской философии». Редакторами его были С. Н. Трубецкой и Л. М. Лопатин.

В переулке за жилыми домами № 17 (1911 г., архитектор Н. Г. Лазарев) и № 19 (1912 г., архитектор С. Я. Яковлев; оба этих участка в середине XIX в. принадлежали дочери знаменитого артиста Павла Мочалова Е. П. Мочаловой) стоит любопытное здание (№ 21), выстроенное к 1857 г. Это отголоски московского ампира с его центричностью композиции и колонным портиком, но чувство пропорции уже утеряно, – взгляните в преувеличенно высокие полуколонны с пышными композитными капителями, в тяжелый карниз, плоские пятна огромных барельефов. Здание справа было выстроено в 1902 г. архитектором Ф. Поповым.

В несохранившихся домах в этом переулке жили известный искусствовед и переводчик А. М. Эфрос – интересны его творческие портреты артистов, художников, писателей (№ 7), популярная артистка М. Ф. Андреева, у которой в 1905 г. скрывался Н. Э. Бауман (№ 16), знаменитый геохимик и минералог В. И. Вернадский (№ 17).

В школьном дворе (№ 16) в 1965 г. открыт памятник Наташе Качуевской, ушедшей добровольно на фронт и погибшей в неравном бою с фашистами 20 ноября 1942 г. (скульптор Л. Л. Островская).

В доме № 14 проходили последние собрания литературного кружка «Никитинские субботники», основанные писательницей Е. Ф. Никитиной в 1922 г., на которых бывали многие известные писатели, литературоведы, художники, актеры, и среди них Антокольский, Вересаев, Гудзий, Инбер, Леонов, Новиков-Прибой, Сельвинский, Сейфуллина, Телешов, Федин и др. Она основала кооперативное издательство под тем же названием, которое выпускало художественную литературу и книги по литературоведению. В 1931 г. издательство, как и многие другие возникшие в период НЭПа, перестало существовать, слившись с издательством «Федерация», но кружок продолжал работать, умело лавируя между лояльностью советскому режиму и относительной независимостью. Он собирался на квартире Никитиной сначала в Газетном переулке (№ 3), потом на Тверском бульваре (№ 24) и, наконец, в Вспольном переулке, в доме № 14 на первом этаже. В 1957 г. Никитина передала свой богатый архив государству: в нем насчитывалось около 160 тысяч документов по литературе и искусству, 16 тысяч портретов, шаржей и карикатур и 2 тысячи фотоснимков, а в 1962 г. в последней ее квартире открылся филиал Литературного музея, но после кончины основательницы в 1973 г. проработал он недолго.

Старый двухэтажный дом № 14 в советское время надстроили сначала на три этажа, потом еще на два, и уже в недавнее время один из будущих жильцов, получив разрешение надстроить небольшую мансарду, нахлобучил на многострадальный дом целый этаж, «украшив» его какими-то башенками, иллюминаторами и прочими «излишествами», отчего чуть было вообще весь дом не разрушился – пришлось срочно укреплять фундамент.

Название **Спиридоньевского переуллка**, как и соседней улицы, было дано по стоявшей на углу с улицей Спиридоновка церкви Св. Спиридона, построенной в 1633–1639 гг. патриархом Филаретом в его патриаршей слободе «на Козьем болоте». Посвящение придела святому Спиридону (главный престол в этой церкви – Рождества Богородицы) объяснялось тем, что святой был в юности пастухом, а в слободе, надо думать, разводили коз и иную домашнюю живность. Церковь, как обычно бывало с увеличением прихода, стали перестраивать и в 1821 г. пристроили большую трапезную и красивую колокольню. Все было сломано в 1930 г., и на этом месте трест «Теплобетон» выстроил в 1932–1934 гг. жилой дом (№ 1/24) с барельефами, представляющими Технику, Искусство и Науку. В нем жили палеонтолог А. А. Борисьяк, зоолог С. А. Зернов, физик Б. М. Вул и другие известные ученые.

Церковь Св. Спиридона на Козьем болоте

Напротив протянулся по переулку почти на 100 метров жилой дом (№ 2/22) Наркомата путей сообщения, выстроенный в 1933–1936 гг. (архитекторы Г. И. Волошинов и Л. М. Поляков). К Спиридоновке выходит высокая башня, предназначенная для установки резервуара с водой. В доме в 1948–1962 гг. жила популярная певица К. И. Шульженко.

По левой стороне Спиридоньевского переулочка находится небольшое здание с мезонином, появившееся здесь в 1822 г. Далее пример интересного решения использования старых зданий – включение старого двухэтажного строения в новый жилой гостиничный комплекс (№ 9), созданный архитектором Л. Д. Зориным для партийной элиты: тут была гостиница московского комитета коммунистов. Старое здание, выделенное цветом, также предназначенное для гостиницы, было построено архитектором Вильямом Валькотом в 1903–1904 гг. для «Дома святого Андрея» – общежития английских и американских гувернанток, которых было немало в состоятельных московских семьях. Приобретение земельного участка и строительство велось на средства Джейн Мак-Гилл, самой состоятельной дамы из мос-

ковской британской колонии, жены владельца чугунолитейного завода. Каждой жительнице дома предоставлялись две комнаты, им бесплатно давали горячую воду, но вот за самовары надо было платить. Заводить кошек и собак строго запрещалось, и посетители должны были покидать дом до 11 часов вечера.

Хорошо, что партийные деятели, входя в гостиницу, не обращали внимания на то, что у них над головой, а то помещенные архитектором над главным входом гербы Англии, Шотландии, Уэльса и Ирландии могли бы и исчезнуть. Теперь же только они свидетельствуют об интернациональных постояльцах гостиницы, в названии которой по необъяснимой прихоти соединились два ничем не связанные понятия: «Марко Поло Пресня». В 1920—1940-х гг. тут помещалось студенческое общежитие 1-го Московского университета.

«Дом святого Андрея», Спиридоньевский переулок

В небольшом несохранившемся доме (№ 11) с 1920-х гг. до кончины в 1942 г. жил историк Москвы М. И. Александровский, автор ценных указателей по московским церквям и других трудов, многие из которых, к сожалению, остались неопубликованными.

Уже на углу с Малой Бронной улицей находится один из жилых домов (№ 13/21) известного архитектора М. Я. Гинзбурга, построенный в 1927 г. Как писал в то время журнал «Строительство Москвы», «это первый и, без сомнения, удачный опыт постройки в новом стиле – так называемом конструктивном». В доме, выстроенном Народным комиссариатом финансов, была и квартира самого комиссара – Н. П. Брюханова, расстрелянного в 1938 г.; тут же квартировал предыдущий нарком – Н. А. Милютин, умерший своей смертью на год раньше Брюханова. Здесь была и квартира (№ 25) писателя С. М. Третьякова, также репрессированного заодно с создателями коммунистического государства – его и арестовали в этом доме.

На доме напротив (№ 8, 1939 г., архитектор П. А. Голосов) – мемориальная доска с надписью: «В этом доме жил и умер народный артист СССР, лауреат Государственной премии Пров Михайлович Садовский». Здесь же жили артисты Е. М. Шатрова, В. О. Массалитина, М. И. Царев и др.

Спиридоньевский переулок продолжается и за Малой Бронной, где он сжимается двумя рядами высоких доходных домов (№ 10, 12, 15, 17). В строении, находящемся во дворе дома № 12, в 1906–1908 гг. жила семья Маяковских, уехавшая из Грузии после безвременной и неожиданной смерти отца, заразившегося от укула пальца булавкой. Сестра В. В. Маяковского вспоминала: «Мы сняли квартиру с центральным отоплением (больше всего боялись замерзнуть)... Это был обычный дом-коробка, во дворе, удобный для эксплуатации. Двор разделялся на ряд узких коридоров, покрытых асфальтом». Возможно, что впечатление от жизни в этих ущельях домов отразилось в стихотворении В. В. Маяковского «Я»:

Кричу кирпичу,
слов исступленных вонзаю кинжал
в неба распухшую мякоть...

Жили Маяковские трудно: сняли три комнаты, чтобы одну сдавать жильцам, подрабатывали, выжигая и раскрашивая деревянные яйца для кондитерских магазинов.

В доме № 17 были квартиры драматурга А. А. Крона и композитора А. А. Крейна.

Севернее Спиридоньевского переулоча, рядом с урочищем Козье болото, в XVII в. находилась Патриаршая слобода. Места тут, видно, были так топки и грязны, что в московском фольклоре осталась прибаутка: «Фома поспешил, да людей насмешил: увяз на Патриарших». Водоем был вычищен в конце XVII в. и, возможно, с тех пор и получил название Патриарший пруд, но только в 1832 г. эта местность приобрела более или менее цивилизованный характер: как сообщалось в отчете московского полицмейстера, «вместо болота, существовавшего на месте, называемом Патриаршие пруды, теперь виден чистый пруд, обсаженный деревьями и обведенный дорожками». Правда, полицмейстер, надо думать, несколько преувеличил беды пруда, ибо еще за десять лет до того тут стоял «кофейный дом для продажи чая, кофе и лимонада, окромя всякого рода напитков» при «вольных банях» купца Григория Зарубина. В конце XIX в. на Патриаршем пруду Русское гимнастическое общество устраивало каток, на котором проводились состязания конькобежцев. На этом катке «русское чудо», как звали его за границей, Николай Струнников в 1912 г. установил рекорд России на дистанции 500 метров, продержавшийся 13 лет.

Патриарший пруд неоднократно упоминается в художественной литературе. Так, Л. Н. Толстой в рассказе «Святочная ночь» описывает поездку к цыганам:

«Вдруг сани остановились... Налево от него виднелось довольно большое для города пустое, занесенное снегом место и несколько голых деревьев...

– Что, мы за городом? – спросил он у кучера.

– Никак нет, евто Патриарши пруды, коли изволите знать, что подле Козицих».

Г. П. Данилевский в романе «Сожженная Москва» поселяет здесь княгиню Шелешпанскую, а наш современник М. А. Булгаков начинает роман «Мастер и Маргарита» именно в этих местах: «Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина».

Спиридоньевский переулок. Вид от Спиридоновки. 1913 г.

В 1986 г. у пруда выстроили изящный павильон (архитекторы Б. Палуй и др.), в котором были использованы лепнина, рельефы и модульоны старого павильона, поставленного здесь еще в 1938 г. Летом на пруду плавают черные лебеди, а зимой устраивается каток. Сейчас около бывшего Патриаршего пруда уютный сквер, где стоит один из оригинальных московских памятников, к сожалению несколько громоздкий для небольшого сквера. Это статуя баснописца И. А. Крылова в сопровождении 12 героев его знаменитых басен. Памятник – работа скульпторов А. А. Древина и Д. Ю. Митлянского и архитектора А. Г. Чалтыкьяна – был открыт 17 сентября 1976 г.

В 2003 г. на Патриаршем пруду предполагалось поставить нечто странное, посвященное писателю М. А. Булгакову. Там должна была быть толпа фигур-персонажей романа «Мастер и Маргарита»: кота Бегемота, Азazelло, Коровьева, Понтия Пилата с собакой, Мастера с Маргаритой, Иешуа, бредущего по воде, и самого автора, угнездившегося на сломанной скамейке. Кроме всего этого намечалось возведение огромного, высотой 12 метров, бронзового примуса, который предполагался быть не просто примусом, а по совместительству еще и фонтаном.

Весь этот бред скульптора А. Рукавишникова вместе с архитекторами А. Кузьминым и С. Шаровым прошел конкурс (!), все стадии согласования, поддержан московскими властями, и уже было начато строительство, но вмешались москвичи, не потерявшие здравого смысла. Несколько месяцев продолжалось противостояние: жители писали письма, выходили на ночные дежурства, отрывали себя от работы, от семей, трепали себе нервы, но все-таки выдержали осадное положение.

А сколько безобразных фигур понаставлено в разных местах Москвы! Тут и огромный монстр Петр, больной Достоевский, Шолохов в стаде обезумевших лошадей в лодке на мели, чудовища-пороки, окружившие детей...

С южной стороны пруда проходит **Большой Патриарший переулок**, переименованный дважды: в 1924 г. он стал называться Большим Пионерским, а с 1964 г. – улицей Адама Мицкевича. Польский поэт никак не был связан с московским переулком, и это название

было дано только потому, что на углу со Спиридоновкой тогда находилось польское посольство. Оно занимало одно из заметных зданий старой Москвы, большой дом, выстроенный И. В. Жолтовским в 1910 г. для главы торговой фирмы Гавриила Тарасова, о чем повествует надпись над первым этажом по-латыни: «Gabrielus Tarassof fecit anno Domini MCMX».

Архитектор, не очень обременяя себя, скопировал, несколько изменив пропорции, один из итальянских палаццо и перенес его на московскую улицу, за что и подвергался нелюбимой критике. «Он [дом] не вязался ни с московским духом, ни с московским снегом, ни с милой соседской церковью. Серый, мрачный, холодный и угрюмый, из неподходящего для Москвы материала „под гранит“, он казался чужеземным гостем, которому не по себе в чужом городе», – писал современник. В интерьерах особняка – росписи И. И. Нивинского и Е. Е. Лансере.

В этом здании после переезда советского правительства из Петрограда находился Комиссариат по иностранным делам, потом администрация американской помощи (АРА. American Relief Administration, АРА). История ее очень интересна и поучительна.

После Первой мировой войны, бедствий революции, Гражданской войны, конфискации на страну обрушился невиданный голод – в 1921 г. голодало не менее 20 процентов населения страны, страдали миллионы и миллионы, и на огромных просторах страны процветало людоедство.

Причиной этому была не только засуха, но и преступная политика большевиков, отобравших у крестьян все, что у них было, и в том числе даже семенной хлеб.

Ограбившие собственный народ правители, сидевшие в Кремле, почувствовали, что под ними шатаются кресла – надо было срочно что-то делать. Для них вполне естественным было решать все вопросы винтовкой солдата и наганом чекиста, но в этом случае на это нечего было надеяться, и после долгих колебаний Ленин согласился на создание общественного комитета помощи голодающим, который мог убедить Запад, что помощь нужна народу, а не большевикам (и как только большевики убедились, что им помогут, они немедленно арестовали общественников).

На помощь пришли «империалисты»: в августе 1921 г. было заключено соглашение с благотворительной организацией Соединенных Штатов – АРА.

Деловые американцы жестко и точно поставили деятельность благотворительной организации в России под свой контроль, и, несмотря на препоны (большевиками даже приказ был выпущен – «О порядке ареста сотрудников АРА»), уже в мае следующего года они кормили более 6 миллионов человек, а во время максимального развития гуманитарной деятельности – около 10 миллионов. Детям раздали 119 миллионов порций, а взрослые получили около 800 миллионов порций. Но АРА не только кормила, она еще одевала и лечила русских людей, а также снабжала крестьян сельскохозяйственным инвентарем и сортовыми семенами.

Коммунистические власти, стиснув зубы, удерживались от преследований американцев, вместо всемерной помощи окружали их слежкой, арестовывали и расстреливали русских сотрудников, составляли выдуманные отчеты о так называемой «шпионской» деятельности и с трудом дождались окончания американской помощи. Как писали известные историки Геллер и Некрич в книге «Утопия у власти», тогда выработалась модель поведения властей по отношению к тем, кто приходил им на помощь: 1) идти на уступки, если нет иного выхода, 2) отказываться от уступок, едва необходимость миновала, и 3) мстить.

В здании, где помещался центральный офис АРА, впоследствии долгое время находился Верховный суд СССР, а теперь его занимает академический институт Африки.

На этом месте в середине XIX в. находился собственный дом известного в Москве медика, профессора Ф. И. Иноземцева, где прошли его последние годы. Родился он недалеко от Москвы, в селе Белкине, принадлежавшем Бутурлиным, и один из них вывез его

отца с Кавказа, воспитал и определил чиновником, дав ему имя Иван и фамилию Иноземцев. Сын его Федор страстно хотел быть медиком, он поступил в Харьковский университет, был послан в Дерпт для совершенствования и потом за границу. В России стал профессором Московского университета по кафедре хирургии. «Как сейчас вижу это умное подвижное лицо, – вспоминал его ученик, – эти горящие глаза, слышу это живое, блестящее, серьезное изложение, в котором слышалась искренность, чувствовалось увлечение. Лекции эти захватывали слушателей и водворяли среди них такую тишину, какой не всегда можно достигнуть внешними мерами». Его учениками были такие выдающиеся медики, как Бабухин, Сеченов, Склифосовский, Боткин. Он основал хирургическую клинику, первый в России применил наркоз, основал «Московскую медицинскую газету» и Общество русских врачей.

Федор Иванович Иноземцев

В Большом Патриаршем переулке нет примечательных архитектурных памятников, а самый старый дом – небольшое двухэтажное строение (№ 6), на котором еще недавно была видна лишь одна деталь его некогда богатого убранства – пилястр с левой стороны (теперь его фасад переделан, и довольно-таки неудачно). В этом доме в 1889–1891 гг. жила артистка Малого театра Г. Н. Федотова, а в конце 1920-1930-х гг. Ю. К. Ефремов, географ, писатель, поэт и путешественник, автор книги «Московских улиц имена».

В доме № 4 в 1930-х гг. была квартира артиста Э. П. Гарина, а в несохранившемся строении на месте дома № 12 в 1851 г. жил физиолог И. М. Сеченов.

Николай Николаевич Поликарпов

Высокие дома по **Малому Патриаршему переулку** обрамляют юго-западную сторону пруда. Из них следует отметить дом № 5 с оригинальными балконными нишами, украшенными росписями (1930-е гг., архитектор В. Н. Владимиров). В нем была последняя квартира авиаконструктора Н. Н. Поликарпова (1892–1944), которому посвящена мемориальная доска. Его удивительная судьба служит примером того, как в Советском Союзе не щадили человеческую жизнь и выжимали из людей все, что было необходимо правителям. Он еще в молодости полюбил авиацию и стал работать на авиационном заводе. Талантливый инженер-самородок уже в 1923 г. создает первый советский истребитель и еще несколько успешных моделей, но в 1929 г. его арестовывают, обвиняют в участии в «контрреволюционной вредительской организации» и приговаривают к смертной казни. Два месяца он ждет смерти, но его отправляют в «шарашку», тюремное конструкторское бюро, где он разрабатывает исключительно успешный самолет И-5, находившийся в продолжение 9 лет на вооружении. После показа этого самолета Сталину его освобождают (но приговор отменяют только через 12 лет после его смерти!), и он работает над целой серией истребителей. Скончался он еще не старым – сказались долголетние издевательства. После кончины Поликарпова конструкторское бюро возглавил специалист в области ракетной техники В. Н. Челомей, который тоже жил в этом доме. Тут жил ученик и племянник Н. Е. Жуковского, конструктор авиационных двигателей А. А. Микулин, пропагандировавший на склоне лет (он умер в 90 лет)

систему оздоровления: он написал книгу «Активное долголетие (моя система борьбы со старостью)». В 1938–1941 гг. здесь жили любимец Сталина конструктор А. С. Яковлев (1906–1989), автор самолетов Як, и еще один известный авиаконструктор С. В. Ильюшин.

Ранее, до возведения современного, тут стоял небольшой домик, где жила пианистка Е. А. Бекман-Щербина. Ее муж – автор самой известной новогодней детской песенки «В лесу родилась елочка...», написанной для дочери на слова Р. А. Кудашевой. В 1905 г. Бекман-Щербина записала музыку, так как автор «был на тот счет неграмотным», и песенка обрела бессмертие. Автор текста до 1941 г. не знала о том, что ее слова положены на музыку, да еще на такую известную.

Ермолаевский переулок начинается от старинной усадьбы (№ 1), главный трехэтажный дом которой расположен во дворе торцом к линии улицы. Он был построен здесь, возможно, еще в XVIII в. В 1820-1830-х гг. усадьба принадлежала князю А. М. Урусову, у которого в 1827 г. часто бывал А. С. Пушкин.

После освобождения из михайловской ссылки Пушкин окунулся в водоворот развлечений московского общества, которых он был так долго лишен, – балы, вечера, театральные представления, прогулки следовали одни за другими. По воспоминаниям, «в конце двадцатых годов в Москве славился радушием и гостеприимством дом князя Александра Михайловича и княгини Екатерины Павловны Урусовых. Хозяйка, урожденная Татищева, родная сестра знаменитого русского посла сначала в Мадриде, а потом в Вене, Дмитрия Павловича Татищева, была женщина весьма образованная, прекрасно знала иностранные языки и в особенности английский... Но не одно радушие и образованность хозяев влекли в этот дом тогдашнюю молодежь – и туземную, и приезжую... Нельзя сказать, чтобы князь Урусов делал большие и парадные приемы гостей или вообще устраивал роскошные званые вечера, тем не менее почти каждый день собирался у него тесный кружок друзей и знакомых, преимущественно молодых людей». Пушкин с удовольствием бывал здесь, и немалую роль в его посещениях имело то обстоятельство, что у Урусовых были хорошенькие дочери, которые считались украшением московского общества, и, конечно, Пушкин никак не мог пройти мимо такого «цветника». Один из молодых людей приревновал Пушкина, бывшего центром собиравшегося общества, и вызвал его на дуэль, которую удалось предотвратить с помощью пушкинского друга Соболевского.

Позднее этот участок перешел в военное ведомство – тут сначала находился 3-й кадетский корпус, а потом штаб гренадерского корпуса, от которого сохранилось здание солдатских казарм (№ 3).

Высокие дома по соседству были построены в 1905 г. – № 6 (архитектор О. Г. Пиотрович), в 1910 г. – № 2 и 4 (архитектор А. Н. Кардо-Сысоев), № 10 (архитектор Э. К. Нирнзее). В доме № 10 в 1930-х гг. жил патологоанатом А. И. Абрикосов. В ряду этих домов появился новый (№ 8, 1982 г.), выгодно отличающийся от своих современных собратьев нестандартным обликом. Его авторы – Ю. Соколов, Ю. Милаев, Л. Подрезкова – внимательно отнеслись к непростой задаче сопряжения новой и старой застройки, решив его фасад в формах, напоминающих те, которые применялись в начале прошлого века.

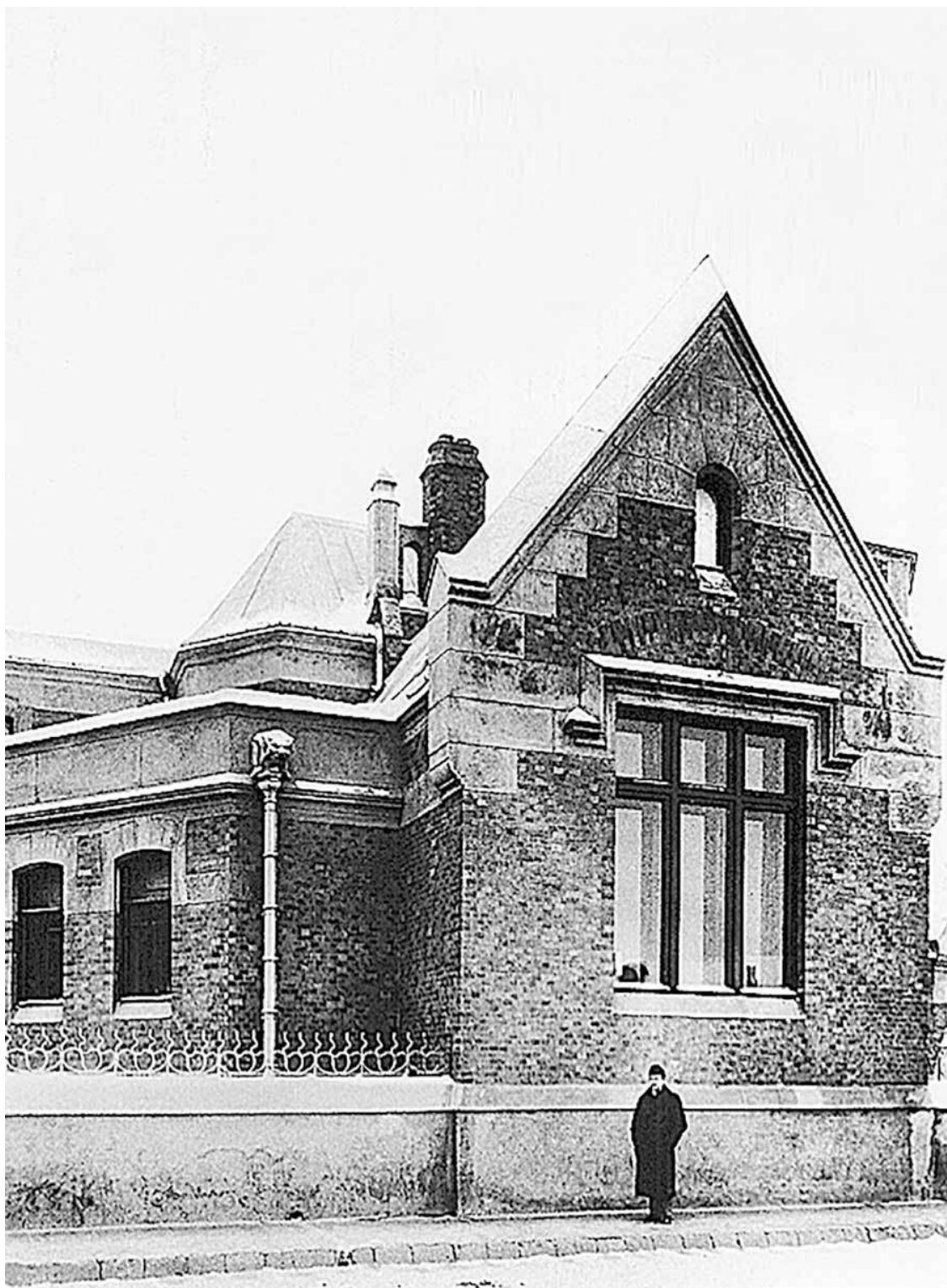
Может быть, самое заметное здание из окружающих пруд – это дом (№ 9), о котором известный архитектор Ф. А. Новиков сказал, что это и есть «проявление ложной монументальности, подлинного мещанства в архитектуре». Он издалека выделяется не в меру крупными колоннами и львами, в прошлом столетии украшавшими чуть ли не каждую усадьбу, дворянскую или ту, которая хотела ею казаться. Однако этот дом построен не в XIX в., а в 1944–1945 гг. (архитекторы М. М. Дзисько и Н. И. Гайгаров) для генералов. Квартиры там состояли из такого набора комнат: передняя, холл, гостиная, кабинет, туалетная, коридор, детская, спальня, столовая, передняя перед кухней, комната домработницы, кухня, кладовая, уборная.

Похожая, но значительно более сдержанная обработка фасада у соседнего дома (№ 13), построенного в 1911 г. архитектором В. А. Величкиным.

Еще одна постройка, к которой также вполне можно приложить слова Новикова, – большой жилой дом на углу Малой Бронной, получивший претенциозное название «Патриарх», произведение архитекторов С. Ткаченко, О. Дубровского и др. (2002 г.), «снесших» дом-«яйцо» на улице Машкова. По количеству отрицательных отзывов дом, вероятно, занимает первое место в Москве. Как писал архитектурный критик, «это здание открытое и бескорыстное выражение вкуса „нового русского” – богатый, декоративный, помпезный „китч”». Дом «выглядит шедевром кондитерского искусства. Гордым и величественным бисквитным тортом с орехами, который несли, но не донесли и немного помяли. Сверху его припекло летнее солнце, и он отчасти потерял форму, и белым кремом пилястр стекает понемногу на мостовую». Самое плохое во всем этом разгуле плохого вкуса – это нежелание считаться со спокойным и уютным характером редчайшего московского уголка.

Возрождением классических форм в наше время советская архитектура во многом обязана И. В. Жолтовскому, именем которого был назван **Ермолаевский переулок** в 1961 г., возможно, потому, что здесь находилось здание Московского архитектурного общества (№ 17), организации, объединявшей многих архитекторов нашего города. Проект этого здания был заказан архитектору Д. С. Маркову, и оно было построено в 1916 г.

Исконное название переулкa произошло от церкви Св. Ермолая, «что на Козьем болоте», находившейся на месте небольшого бульвара между домами № 21 и 23, выстроенными в 1950-х гг. Церковь стояла в Патриаршей слободе, а ее придел был освящен в начале XVII в. патриархом Гермогеном в честь святого Ермолая – ведь патриарха в миру звали Ермолаем. В 1682 г. построили каменное здание, которое позднее много раз перестраивалось, – так, в 1836 г. возвели новую высокую колокольню, а через четыре года обширную трапезную. Новые строения обрамлены доходными домами, появившимися в начале XX в., – № 19 (1910 г., архитектор О. Г. Пиотрович), № 25 (1909 г., архитектор Э. К. Нирнзее) с оригинальными ограждениями балконов (в нем в 1910-х гг. жил художник И. И. Нивинский) и № 27 (1908 г., архитектор О. Г. Пиотрович).

Дом Ф. О. Шехтеля. Ермолаевский пер., № 28

За поворотом улицы – небольшой особняк (№ 28), построенный для себя архитектором Ф. О. Шехтелем. Над входом на золотистом мозаичном фоне выложены цифры 96 (дата строительства особняка) и латинские буквы N и S (инициалы Натальи Шехтель, супруги архитектора). Особняк составлен как бы из нескольких объемов и островерхими завершениями напоминает образ средневековой крепости-замка. Теперь тут посольство Уругвая.

Ранее **Большой Козихинский переулок** выходил к Садовому кольцу между домами № 21 и 23 в Ермолаевском переулке. Теперь же он проходит под аркой новых зданий напро-

тив. В просторечии этот переулок, как и всю местность вокруг, называли Козихой. Произошло название переулочка от Патриаршей слободы на Козьем болоте. В прошлом веке Козиха была своеобразным московским «Латинским кварталом», излюбленным местом поселения студентов, сложивших об этих местах шутливую песню:

Есть в широкой Москве
Один шумный квартал,
Что Козихой большой
Называется.

От зари до зари,
Лишь зажгут фонари,
Вереницей студенты
Шатаются...

С 1959 по 1992 г. Большой Козихинский переулок назывался улицей Остужева, в честь выдающегося актера Малого театра, жившего в доме № 12/2 почти 50 лет, с 1904 г. до самой кончины в 1953 г. Остужев был его актерским псевдонимом, взятым взамен фамилии Пожаров, которая вызывала определенные ассоциации при вызовах его публикой. Актер романтико-героического амплуа, он создал великолепные образы Отелло, Карла Моора, Незнамова и был любимцем публики. Еще молодым, в расцвете сил и дарования он в два дня оглох, но сумел не предаться отчаянию и продолжал играть еще много лет. «Он не бросил сцены, — вспоминала актриса Е. Д. Турчанинова. — Он не искал снисхождения. Он работал, запоминая наизусть роли своих партнеров, ловя реплики по губам партнеров во время спектаклей, и, не слыша себя, умел соразмерять звук своего пленительного голоса. Зритель, зачарованный талантом Остужева, и не думал о том, какой героический подвиг происходит у него на глазах, когда глухой актер потрясает его своей игрой». Он жил одиноким, без семьи, без прислуги, в коммунальной квартире, занимая две небольшие комнаты. Одна комната напоминала слесарную мастерскую: в ней стоял верстак и находилось множество инструментов. Он увлекался слесарным делом, и ему несли на починку вещи со всей округи. Вторая же комната, если судить по вещам, принадлежала фотографу, охотнику и актеру.

Александр Алексеевич Остужев

Как установил исследователь московской литературной старины Г. А. Федоров, во флигеле несохранившегося деревянного дома, стоявшего на этом месте и принадлежавшего его крестной Анне, вдове мещанина Венедикта Щеколдина, 16 января 1822 г. родился будущий известный критик и поэт А. А. Григорьев. Семья его прожила здесь совсем недолго, уже после рождения младшего брата (умершего в декабре 1823 г.) она переехала неподалеку, в дом Козина в Малом Палашевском переулке.

Переулок начинается новыми зданиями – девятиэтажной жилой башней (№ 1/9) и продовольственным магазином. За башней ранее находилось несколько домов (№ 3, 3а и 5), которые в 1880-1890-х гг. выразительно назывались «Ад», где были квартиры беднейших студентов, живших на грани полной нищеты. Эти дома назывались еще «Чебышевской крепостью» или «Чебышами», по фамилии их владелицы вдовы поручика Марьи Чебышевой.

Напротив, в доме № 4 (1902 г., архитектор В. И. Мясников; он и жил в этом доме), в 1920-х гг. была квартира биохимика А. И. Опарина, выступившего тогда с новой теорией происхождения жизни на земле. За домами № 6 (1906 г., архитектор И. Г. Кондратенко) и № 8 (1906 г., архитектор О. Г. Пиотрович) в доме № 10 в 1920—1930-х гг. жил драматург В. В. Шкваркин, автор весьма популярных в 1930—1940-х гг. пьес «Простая девушка», «Чужой ребенок» и др. Это здание, построенное в 1902 г. по проекту Г. Н. Иванова, выделяется оригинальным декором – весь он покрыт лепным растительным узором и украшен масками, а над окнами второго этажа помещены скульптуры изогнувшейся рыси. В нем нахо-

дилась редакция журнала «Рампа и жизнь». Дом имеет давние революционные традиции – здесь помещалась нелегальная студенческая библиотека, связанная с народовольческим движением.

Аполлон Александрович Григорьев

За Малым Козихинским переулком Большой Козихинский превратился, по сути дела, во внутриквартальный проезд. В доме № 23 (1912 г., архитектор Н. П. Хорошкевич) в 1930-х гг. была квартира историка К. В. Базилевича, в доме № 27 (1911 г., инженер В. И. Рубанов) в 1910–1943 гг. жил художник А. В. Лентулов, в творчестве которого Москва занимала большое место, в 1974–1981 гг. – кинорежиссер М. С. Донской. В несохранившихся домах № 24 в 1861 г. квартировал художник А. К. Саврасов, в доме № 25 в 1841 г. – композитор А. Е. Варламов, а в доме № 30 в конце 1850-х гг. – зоолог и антрополог А. П. Богданов.

Малый Козихинский переулок начинается от Малой Бронной улицы небольшим трехэтажным домом (№ 1), построенным по проекту Г. К. Олтаржевского в 1927 г. для кооператива «Квартирохозяин». В нем долгие годы прожил артист и библиофил Н. П. Смирнов-Сокольский, собравший одну из лучших в СССР частных коллекций книг, в которой насчитывалось около 20 тысяч экземпляров. Он не только собирал книги, но и писал о них. Были изданы каталоги коллекции, и большой популярностью пользовались его «Рассказы о книгах». Напротив располагается здание, выделяющееся белой отделкой на фоне обнаженного красного кирпича. Это было целое направление в архитектуре тех лет (здание выстро-

ено в 1887 г., архитектор А. Захаров), ратовавшее за сохранение естественного цвета и фактуры кирпича. Контрастом к нему может служить соседний дом (№ 4, 1904 г., архитектор С. С. Шудман) с его сдержанной цветовой гаммой отделки фасада. За Большим Козихинским переулком обращает на себя внимание дом № 12, построенный в 1914 г. по проекту В. Д. Глазова. В нем была квартира адвоката В. Е. Коморского, у которого часто бывал М. А. Булгаков. Здесь в начале 1920-х гг. собирался своего рода литературный клуб, бывали Ю. Олеша, И. Ильф, В. Катаев, здесь в мае 1923 г. московские литераторы встречали приехавшего из Берлина А. Н. Толстого.

В несохранившихся домах в этом переулке жили в 1860-х гг. математик и ботаник В. Я. Цингер (№ 6) и в 1880-х гг. геолог А. П. Павлов (№ 9). На месте, где сейчас четырехэтажный дом № 11, находилась усадьба действительного тайного советника А. В. Алябьева, отца композитора. Возможно, что первый этаж этого дома остался от алябьевской усадьбы начала XIX в.; второй и третий этажи появились в 1885 г., а четвертый – в 1905 г.

Богословский переулок сохранил свое старинное имя, полученное от церкви Иоанна Богослова, здание которой стоит в его начале, у Тверского бульвара. Скромная приходская церковь была построена в Бронной слободе, поселении мастеров-оружейников в 1652 г. (северо-западный придел ее относится к 1694 г., а колокольня – к середине XVIII в.). Прихожане и причт этой церкви в конце 1667 г. просили великих патриархов позволить им учредить славяно-греко-латинский «гимнасион», в котором должны были обучаться грамматике, языкам и «радоваться о свободе взыскания и свободных учений мудрости». Судьба ее неизвестна, но похоже, что ее так и не открыли. В приходе этой церкви находился дом, где родились в 1812 г. Александр Герцен и пять лет спустя Наталья Захарьина, его будущая жена. Оба они вспоминали потом во время ссылки Герцена, что и его и ее крестили в церкви Иоанна Богослова. В этой же церкви 22 января 1822 г. происходило крещение и младенца Аполлона Григорьева, семья которого жила в приходе этой церкви в доме № 2/12 по Большому Патриаршему переулку.

Богословскую церковь закрыли, «учитывая ходатайство Московского камерного театра» в 1933 г., и с тех пор она медленно разрушалась под руководством театральных деятелей, использовавших ее для мастерских. Только героические усилия реставраторов поддерживали ее. В 1992 г. в нее наконец пришли настоящие хозяева, и древняя церковь теперь возрождена. Напротив нее, в доме № 3, перестроенном в 1954 г. из здания 1914 г. (архитектор С. М. Умнов), жили популярные артисты В. О. Топорков и Ф. Г. Раневская.

Церковь Иоанна Богослова в Бронной слободе

В приходе той же Богословской церкви в течение многих лет числился дом (№ 7), принадлежавший знаменитому танцмейстеру Петру Иогелю, учившему танцам московских юношей и девушек в продолжение чуть ли не полвека. Четыре поколения москвичей обучались у него, и на его балах встречались прабабушки и правнучки – ученицы Иогеля. На одном из таких балов, предположительно в Колонном зале Благородного собрания, Пушкин

в 1826 или 1827 г. впервые увидел Натали Гончарову. Сейчас на месте дома Иогеля выстроены невысокие жилые дома, занявшие почти всю нечетную сторону Богословского переуллка и хорошо вписавшиеся в старую историческую застройку. Это работа архитекторов А. Локтева и О. Писковой. В доме № 10 в 1898 г. жил артист А. А. Остужев.

Александр Иванович Южин-Сумбатов

Богословский переулок выводит к **Большому Палашевскому переулку**. Его название, вероятнее всего, произошло от живших тут мастеров-оружейников, выделявавших палаши – прямые и широкие обоюдоострые сабли. Это предположение подтверждается тем, что рядом, в районе Большой и Малой Бронных улиц, находилась слобода оружейников, изготавливавших броню. Другое объяснение этого названия – здесь якобы жили палачи. Предположение основано на одном из древних документов, где эта местность называлась Старые палачи. Однако трудно предположить, что в Москве было целое поселение людей этой «специальности».

В 1927 г. переулку дали имя Южинский после кончины народного артиста республики А. И. Южина-Сумбатова, художественного руководителя и директора Малого театра. С 1892 г. в продолжение 35 лет Южин прожил в доме № 5/1, возведенном в 1882 г. Его квартира находилась на втором этаже, а кабинет – в угловой комнате с эркером. Осенью 1890 г. в этом доме поселился В. И. Суриков, проживший здесь недолго, до весны следующего года.

Другой корифей Малого театра, А. П. Ленский, также жил в Большом Палашевском переулке – в несохранившемся доме № 3 с 1894 г. до самой кончины в 1908 г. Любопытно, что этот переулок был свидетелем детских и юношеских лет актера – Ленский (настоящая

фамилия его Вервициотти – он был сыном князя П. И. Гагарина и певицы Ольги Вервициотти) в то время жил в семье актера Малого театра К. Н. Полтавцева (№ 13–15). В современном жилом доме № 3 были квартиры известных актрис Фаины Раневской (с 1973 по 1984 г.) и Елены Фадеевой (с 1973 по 1999 г.).

В угловом с Большим Козихинским переулком доме № 2/12 в продолжение долгого времени жил известный библиограф Б. С. Боднарский, издававший журнал «Библиографические известия», редакция которого была также в этом здании. Другой угловой дом, но с Богословским переулком (№ 6/12), построенный в 1897 г. архитектором И. В. Михайловским, памятен тем, что в 1898–1902 гг. в нем квартировал композитор А. Т. Гречанинов.

За домом № 10 (1893 г., архитектор Н. Д. Бутусов) еще один памятник, связанный с революционным прошлым города: в доме № 12, построенном в 1904 г. архитектором А. А. Никифоровым, в декабре 1905 г. проходили заседания конференции железнодорожников, постановивших начать всероссийскую забастовку на железной дороге. Последний дом по переулку, № 14/7, выстроен в 1910 г. архитектором А. Н. Кардо-Сысоевым на территории усадьбы князя П. Н. Волконского, в центре которой стояло деревянное здание, и, как было отмечено на плане начала XIX в., там находился «музей древнейших экипажей».

От Большого Палашевского к северу отходит **Трехпрудный переулок**, иногда еще называвшийся Трехпрудковским или просто Три прудка. В начале его, с правой стороны, – невидные здания (№ 2), находящиеся на участке, принадлежавшем очень яркому и своеобразному архитектору С. М. Гончарову. Тут жили его дочь художница Наталья Гончарова и ее муж – художник Михаил Ларионов. Здесь же собирались художники, бывали С. Дягилев, А. Лентулов, И. Машков, П. Кончаловский и др. Тут же, по сведениям справочника «Вся Москва» за 1917 г., был и трактир некой Ананьевой.

Этот переулок – одно из памятных литературных мест Москвы, связанное с биографией Марины Цветаевой. Она родилась в доме (№ 8), построенном к 1838 г. и перешедшем к ее отцу И. В. Цветаеву как приданое его первой жены, дочери историка Д. И. Иловайского. Сам Цветаев, известный искусствовед, основатель Музея изобразительных искусств, прожил здесь до кончины в 1913 г. Дочь его, Анастасия Цветаева, так описывала этот дом: «С улицы... одноэтажный, деревянный, крашенный – сколько помню его, с 1897 года – коричневой краской, с семью высокими окнами, воротами, над которыми склонялся разлтый серебристый тополь, и калиткой с кольцом; нажав его, входили в намощенный, летом зеленый двор, мостки вели к полосатому, красному с белым парадному, – над ним шли антресоли».

Во время Первой мировой войны дом передали под лазарет, а в 1926 г. на его месте началось строительство жилого дома для кооператива «Творчество» по проекту М. Е. Приемышева, который в 1948 г. был надстроен, а фасад по новой тогда моде «обогащен» декоративными деталями (архитектор Д. Д. Булгаков). Как пророчески писала Марина Цветаева:

Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды
Грузные, в шесть этажей...

В этом доме жила певица, весьма популярная до войны, – Изабелла Юрьева, исполнявшая романсы и душещипательные песни.

Между однотипными домами № 4 и 8 проходит отрезок Малого Козихинского переулка, где стоит жилой дом № 6, числящийся по Трехпрудному. В этом доме жил последние годы разведчик Ким Филби, скончавшийся в 1988 г.

Напротив, на левой стороне, выделяется фасад дома № 9, выстроенного в 1900 г. архитектором Ф. О. Шехтелем для типографии, или, как она тогда называлась, скоропечатни

А. А. Левенсона, одной из лучших русских типографий (в ней была напечатана первая книга М. И. Цветаевой). Рабочие ее бастовали осенью 1905 г., а в 1917 г. в этом здании помещалась редакция газеты московского комитета большевиков «Социал-демократ».

В этом переулке много строил один и тот же архитектор – Э. К. Нирнзее, автор самого высокого дома в дореволюционной Москве в Большом Гнезниковском переулке. Здесь им построены жилые здания № 11 и 13 (1912–1913 гг.), а также собственный дом № 5/1 (1911 г.), на котором укреплен мемориальная доска в честь ученого-строителя, исследователя и создателя различных бетонов Б. Г. Скрамтаева; тут жили артист С. В. Айдаров, художник М. В. Куприянов.

От Большого Палашевского переуллка отходит и короткий **Сытинский переулок**, возникший во второй половине XVIII в. На углу его с Большой Бронной улицей (№ 3/25) – строение, показанное еще на плане 1825 г., обстроенное в 1879 г. с обеих сторон каменными зданиями. В 1825 г. Тут жили друг А. С. Грибоедова С. Н. Бегичев, а в 1880-х гг. – историк, этнограф, социолог М. М. Ковалевский. Рядом находится архитектурный памятник – деревянный дом (№ 5), переживший опустошительный московский пожар 1812 г.

Он выстроен в 1804 г. на большом участке (современные № 3 и 5) бригадира Андрея Сытина, по фамилии которого и называются Сытинские переулок и тупик, который вел к небольшому Палашевскому рынку. Разрешение на строительство дома выдала Московская контора строений в апреле 1804 г., и за строительный летний сезон он и был возведен. На каменном основании еще XVII в. построили сруб, облицованный досками, высокие восьмистекольные окна обрамлены скромными наличниками, а над ними помещены лепные барельефы, центр здания выделен широко расставленными колоннами и портиком с полуциркульным окном. Ранее по сторонам дома, как водилось тогда, стояли два небольших флигеля. Остался лишь левый, значительно искаженный переделками, а правый заменен жилым домом (1903 г., архитектор А. Н. Соколов).

Церковь Рождества в Палашах

Другая, правая сторона Сытинского переулка отмечена домом № 4/27, построенным в 1902 г. (архитектор Л. Херсонский), и домом № 8/2, в котором до переезда в Фурманский переулок жил художник А. М. Васнецов (архитектор В. Ф. Жигардлович). Этот дом открывает собой короткий Малый Палашевский переулок, выходящий под аркой на Тверскую. В переулке до 1935 г. находилась (на месте дома № 3) Рождественская, «что в Старых Палашах», церковь, давшая название этому и соседнему переулкам. Первоначально она была выстроена в 1573 г., каменное здание – в 1692 г., существенно переделывалась в XVII в. Из-за ветхости трапезную разобрали и в 1836 г. выстроили заново. В ней в 1912 г. происходило бракосочетание Сергея Эфрона и Марины Цветаевой.

В мае 1935 г. Моссовет постановил церковь закрыть «для помещения там спецлаборатории Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского», но в конце концов храм все-таки решили сломать, что и начали в том же 1935 г., а закончили в 1937 г.

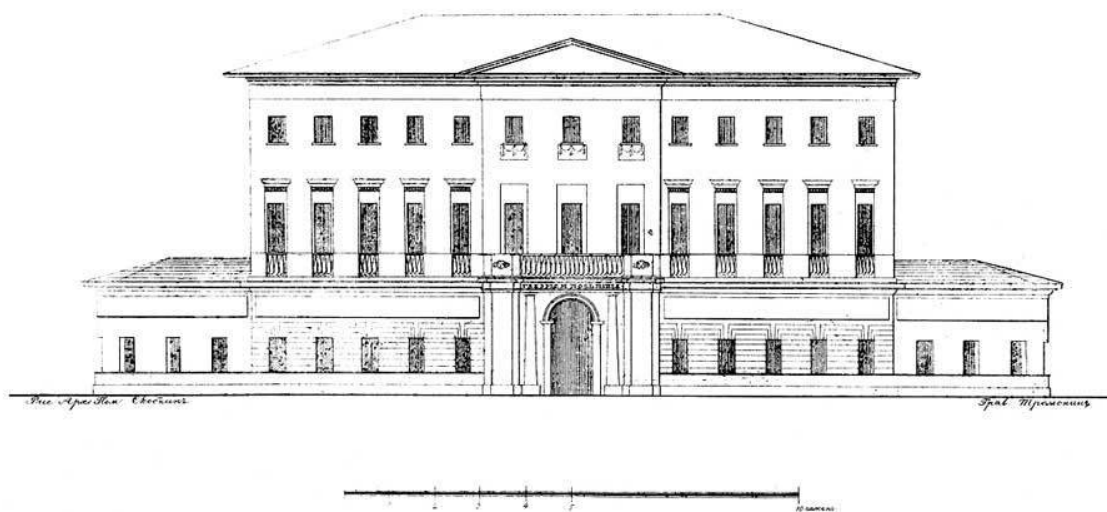
В приходе Рождественской церкви находился дом купца Игнатия Ивановича Козина (Малый Палашевский переулок, 6), где провел несколько детских лет будущий известный критик и поэт Аполлон Григорьев. Жизнь в этом доме представлялась ему «залитою каким-то светом». «В лета младости, – вспоминал Григорьев, – я с сердечным трепетом проходил всегда мимо этого дома Козина у Тверских ворот...» и «нередко под предлогом искания квартиры заходил на этот двор, стараясь припомнить уголки, где игрывал я в младенчестве». Дом детства А. А. Григорьева не сохранился, на его месте сыном публициста М. Н. Каткова в 1889 г. было построено двухэтажное здание, где в нижнем этаже помещались номерные, а в верхнем – семейные и мужские дворянские Тверские бани. В старом доме в 1850-х гг. квартировали артисты И. В. Самарин и К. Н. Полтавцев, у которого в 1852 г. останавливался Н. Х. Рыбаков.

Отреставрирован жилой дом (№ 7) начала XVIII в., надстроенный в конце этого столетия вторым этажом, и тогда же фасад был оформлен в стиле позднего классицизма. Его древнюю часть можно увидеть с левой стороны здания. В доме, по свидетельству поэта И. А. Белоусова, в 1880-х гг. находилась «овощная торговля» поэта А. Е. Разоренова, а в 1920-х гг. размещался Союз литовских пролетарских писателей имени Ю. Янониса. Самый новый дом (№ 4) в переулке – выстроенный для кооператива «Восток» архитектором К. А. Дулиным в 1926 г. В нем жил известный в 1920—1930-х гг. литературный критик Леопольд Авербах. Он окончил пять классов гимназии, стал комсомольцем, выбился в критики. Неуч неумимо преследовал писателей и руководил РАПП (Российской ассоциацией пролетарских писателей), успел подчинить себе всю литературу, все издательства. Все эти «подвиги» сходили ему с рук: ведь дядя его был первый председатель Центрального исполнительного комитета Я. М. Свердлов, тесть – соратник Ленина, управделами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич, а сестра замужем за всеильным шефом НКВД Г. Г. Ягодой. Но после его падения Авербаха арестовали и расстреляли в августе 1937 г.

Параллельно Малому Палашевскому северо-западнее проходит **Мамоновский переулок**, названный по фамилии владельца большой усадьбы на левой стороне переулка сенатора, президента Вотчинной коллегии М. В. Дмитриева-Мамонова. Главный дом усадьбы выходил на Тверскую, а сад тянулся до Трехпрудного переулка. Сенатор приобрел ее 13 мая 1787 г. у надворного советника Д. И. Нарышкина. За 20 лет до этого был сделан первый сохранившийся план этой усадьбы, где по Тверской улице у купца первой гильдии Л. Симона стояли двухэтажные каменные палаты в виде буквы «П». В 1778 г. они надстраиваются Д. И. Нарышкиным еще одним этажом, а спереди к ним пристраивается трехэтажный объем с закругленными углами.

Опекуны Дмитриева-Мамонова продали этот дом глазной больнице, или Отдельному заведению для пользования страждущих глазами болезнями, которая обосновалась в нем с 1830 г. По ее уставу, больница должна была «безденежно подавать помощь бедным людям, страждущим глазами болезнями, и снабжать их, без всякой платы, потребными лекарствами. Некоторые из таковых, болезнь которых требует особенного присмотра и пользования, могут быть содержимы и в самом заведении, пользуются от онаго безденежно лечением, квартирою, пищею и приличною для больного одеждою и услугою».

ГЛАЗНАЯ БОЛЬНИЦА

Глазная больница. 1832 г.

В 1880-х гг. низкие одноэтажные боковые крылья надстраивают вторым этажом и переделывают фасад, а в 1940 г. производится уникальная операция – старинное здание весом 13 300 тонн и объемом 23 400 кубических метров поворачивается на 90 градусов и передвигается вниз по склону на новое место по Мамоновскому переулку. Так как новое место было ниже старого почти на 4 метра, то были построены фундамент и первый этаж, на которые «надвинули» передвигаемое здание, и, таким образом, оно стало из трехэтажного четырехэтажным. В конце 1960-х гг. боковые крылья сделали одинаковой высоты к основным зданиям, и только к этому времени строение приобрело современный вид.

К 1850-м гг. большая мамоновская усадьба разделилась. Так, небольшой участок на самом углу с Трехпрудным переулком, где сейчас зеленая лужайка, стал принадлежать Прову Михайловичу Садовскому, основателю целой актерской династии, в течение более ста лет тесно связанной с московским Малым театром.

«Особнячок был типично московский – одноэтажный, выходящий на улицу, куда выходили зала и кабинет, и двухэтажный – во двор. Сколько веселья, смеха, сколько разговоров о будущем служении театру и светлых мечтаний слышали эти комнаты», – писала артистка Малого театра Н. А. Смирнова, вспоминая посещения театральной молодежью дома Садовских. Визиты более солидных гостей были редки, и они не всегда обходились благополучно. Как-то Садовского посетил личный адъютант царя: к ужасу хозяина, генерал оступись на тесной маленькой лестнице, и слуга Садовского, падая вместе с ним, кричал на весь дом: «Ваше превосходительство, извольте падать на меня!»

Сын Прова Михайловича, выдающийся артист Малого театра М. П. Садовский, построил здесь новый каменный дом после того, как деревянный домик отца сгорел дотла. Проект нового дома сделал в 1883 г. один из известных московских архитекторов Д. Н. Чичагов. В этом не дошедшем до нашего времени доме жила до кончины в 1919 г. жена М. П. Садовского Ольга Осиповна, «архигениальная артистка», по отзыву Ф. И. Шаляпина. В своем обветшалом, холодном, нетопленном домике она скончалась от воспаления легких. «Я очень ее берег, – писал А. И. Южин в декабре 1919 г., – играла она, когда хотела и что хотела. Она очень слабела, несколько раз болела воспалением легких, последнее и свело ее в могилу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.